Е.А. Прудникова

· Историческое расследование ·

Второе убийство Сталина

Историческое расследование (Вече)

Елена Прудникова

Второе убийство Сталина

«ВЕЧЕ»

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Прудникова Е. А.

Второе убийство Сталина / Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ», 2013 — (Историческое расследование (Вече))

ISBN 978-5-4444-8762-4

Как-то во время войны Сталин сказал: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет ее!» Не успел он умереть, как первая часть формулы начала сбываться, и сбывалась она пятьдесят лет. Точно как в басне, лягнуть мертвого льва сбежались все: гиены, шакалы, ослы. В начале 90-х маятник достиг высшей точки и, повинуясь неизбежному закону всемирного тяготения, пошел назад. Так вот, по мысли автора, Сталин как историческая фигура и как государственный деятель был умерщвлен сознательно и с особой жестокостью. Зачем и за что? Почему его так ненавидели пришедшие после? И коль скоро мы говорим о «тайнах великих», то настоящая тайна этого человека — не в том, как он умер, а в том, как он жил и что делал на самом деле, а не в сборниках сказок, именуемых учебниками истории. Данная книга раскроет много тайн и загадок, связанных с великим вождем, развеет устоявшиеся мифы и позволит читателю самому делать выводы.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4444-8762-4

© Прудникова Е. А., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

От автора 5
Часть 1 10
Тайна рождения 10
Чему его научила семинария 17
Часть 2 24
Фабричный ад на земле 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Елена Прудникова
Второе убийство Сталина

От автора

Интереснее всего в этом вранье то, что оно —
вранье от первого и до последнего слова.
М. Булгаков

Как-то во время войны Сталин сказал: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет ее!» Не успел он умереть, как первая часть формулы начала сбываться, и сбывалась она пятьдесят лет. Точно, как в басне, лягнуть мертвого льва сбежались все: гиены, шакалы, ослы. В начале 90-х маятник достиг высшей точки и, повинуясь неизбежному закону всемирного тяготения, пошел назад. И ветер истории загудел в ветвях кладбищенских берез.

Практически сразу после рокового 5 марта 1953 года появилась версия о том, что Иосифу Джугашвили помогли уйти из жизни. Ничего удивительного в этой версии нет, она появляется почти автоматически каждый раз, когда какой-нибудь правитель нашей страны умирает, для исторического разнообразия, своей смертью (если не своей, то возникают легенды о чудесном спасении). Обычно это все – разговоры коммунальных кумушек, которым скучно жить, когда все в мире происходит согласно естественным законам. Но, каким бы образом Иосиф Джугашвили ни покинул этот мир, про Сталина можно сказать точно: он был убит.

Рассказывают, что однажды, разбираясь с сыном Василием по поводу очередных его художеств, Иосиф Виссарионович спросил: «Ты думаешь, ты – Сталин? Нет! Ты думаешь, я – Сталин? Нет! Это он – Сталин!» – и показал на свой портрет. Так вот: Сталин как историческая фигура и как государственный деятель был умерщвлен, сознательно и с особой жестокостью. Зачем и за что? Почему его так ненавидели пришедшие после? И, коль скоро мы говорим о «тайнах великих», то настоящая тайна этого человека не в том, как он умер, а в том, как он жил и что делал на самом деле, а не в сборниках сказок, именуемых учебниками истории.

Едва ли какое-либо иное время в нашей невероятной истории мифологизировано так, как события недавнего прошлого. Тема сталинского периода существования России исследуется пятьдесят лет, и все пятьдесят лет она мечется между мифами. Пока что наша история представляет собой не что иное, как некую богословскую схоластику, набор исторических догм, не просто отличающихся от реальной истории, но вообще ничего общего с ней не имеющих. Это мифологическое пространство, в котором революцию 1917 года сделали большевики, коллективизация произошла потому, что «так решил пленум», а разгадка событий 1937 года лежит то ли в сталинской паранойе, то ли в сталинском патриотизме. Между тем к тому, что на самом деле происходило в Стране Советов, ни то, ни другое, ни третье не имеют ни малейшего отношения.

Если история социалистических времен представляет собой вариации на тему «Краткого курса», несколько видоизменяющиеся в зависимости от «генеральной линии партии», то большая часть «разоблачений», когда добираешься до их источников, восходит либо к Троцкому, либо к Геббельсу. Не в силах разработать что-то свое, пропагандистская машина «оттепели», пользуясь тем, что ни антисталинские работы Троцкого, ни тем более геббельсовская пропаганда населению СССР, естественно, не были знакомы, взяла на вооружение их обвинения, построив на них свои «разоблачения культа». За исключением тех случаев, когда они, эти раз-

облачения, представляют собой фантазии Хрущева, подчиненные одной цели: на правах «очевидца» показать «вождя народов» через замочную скважину, причем как можно более отвратительным в обывательском смысле. Расчет точный: если человек мерзок как личность, он не может быть великим. С этой задачей Никита Сергеевич, будучи по природе своей обывателем, превосходно справляется сам, не нуждаясь ни в Геббельсе, ни в Троцком.

Пример? Берем «цитатник» под названием «Сталин в жизни», ищем навскидку фамилию Хрущева, первую попавшуюся цитату из воспоминаний. Повторяю, первую попавшуюся на глаза. Ага, нашли!

«Каждый раз, приезжая на “Ближнюю дачу”, мы перешептывались друг с другом о том, на сколько больше, чем в наш прошлый приезд, стало здесь замков. К воротам были приделаны всевозможные запоры и была воздвигнута баррикада. Вдобавок ко всему, дачу окружали две стены, между которыми находились сторожевые псы. Имелась также электрическая сигнальная система и множество других защитных устройств. В известной степени все это делалось совершенно правильно. Сталин, занимавший столь высокое положение, представлял собой очень заманчивую цель для любого врага советского строя. Тут не было ничего смешного, и принимавшиеся им меры предосторожности казались разумными, хотя любому из нас было бы опасно пытаться подражать ему».

А вот свидетельство А. Рыбина, личного охранника Сталина. «Забор был обыкновенный – из досок, без всякой колючей проволоки сверху. Правда, высотой в пять метров. А в 1938 году появился второй – внутренний, трехметровой высоты, с прорезями смотровых глазков. Заставили это сделать явные угрозы оппозиции… Никаких железных дверей, кроме военного бомбоубежища, на даче не имелось. Все внутренние двери были сделаны из простого дерева и с половины застеклены… конечно, при необходимости захлопывались на обычный английский замок «линг». Ключи от него всегда находились у коменданта или дежурного офицера. Никакой сверхсложной внутренней системы запоров, которые-де мог открыть лишь сам Сталин при помощи специального электрического устройства, – в помещении не существовало. Это очередная байка изощренных сочинителей».

Из сравнения этих двух отрывков видно, что Никита Сергеевич, пардон, врет, и, если сравнивать все новые и новые моменты, видно, что он не просто врет, а врет художественно, с упоением, но и с точным знанием психологии обывателя, которому всегда кажется, что от него что-то скрывают, причем скрывают всякую мерзость. На этом стоит вся желтая пресса, и на этом стоят мемуары «разоблачителя» Хрущева. И вот так он врет все время, с утомительным постоянством, даже там, где в этом нет никакой нужды, просто из любви к искусству. А ведь большая часть «Сталиниады» построена именно на хрущевских мемуарах. Представляете себе, чего там наворотили?!

Именно «Сталиниада» определила принцип построения этой книги, которая сначала задумывалась просто как популярная биография «вождя народов». Но как-то раз в ходе работы мне в руки попала эта книга Юрия Борева – его капитальный труд, в котором он некритически собрал байки, анекдоты, некоторые воспоминания о Сталине, то есть именно тот мусор, который нанесли на его могилу. Сам Борев тут, может быть, и ни при чем, он просто выразитель своего времени и своей среды. И все бы ничего, но именно эта среда – диссидентствующая интеллигенция – в годы перестройки завладела средствами массовой информации и стала распространять свою узкопрослоечную точку зрения, вбивая ее в голову доверчивого населения. А население против телевизора беззащитно.

Иной раз люди удивляются – почему в годы перестройки нашу страну взяли голыми руками. И мало кто возводит происшедшее к XX съезду. А между тем именно хрущевский доклад и был тем ударом, который сломал становой хребет советскому человеку. Очень простая аналогия: допустим, живет себе человек, честный, добропорядочный, из хорошей семьи.

И вдруг появляется некто, вроде бы неопровержимо доказывающий, что отец этого человека – убийца, а мать – проститутка. Что будет с ним, узнавшим такую новость? Его спина согнется, голова опустится – приходи и бери голыми руками. Это и было проделано.

Тогда, в 50-е годы, как и позднее, в таком аспекте о хрущевском «правдоискательстве» никто не думал, да и сами творцы «разоблачений культа» того, что у них вышло, отнюдь не программировали. Просто после смерти Сталина сменилась власть, только и всего. И, чтобы придать пришедшим к власти пигмеям хоть какой-то вид и вес, надо было принизить их предшественника. А то, что попутно со Сталиным, которого надо было принизить, чтобы возвысился Хрущев и его компания, походя, между делом, отменяли целую эпоху, отменяли жизнь поколения, заодно объявленного либо соучастниками преступления, либо стадом безмозглых баранов – да кого это волновало? Кого интересует, что чувствуют «массы»?

А эти «массы», между прочим, за пятнадцать лет построили на месте разваленной промышленности новую, сломали хребет Гитлеру, перед которым легли в пыль мощнейшие армии Европы, в кратчайшие сроки восстановили разрушенную войной страну. Но, если надо, ткнем им в лицо «тоталитарный режим», «залитую кровью страну», то ли восемь, то ли восемьдесят миллионов невинно убиенных «честных коммунистов». То, что они объявлены соучастниками преступления, а их подвиги тем самым несуществующими, ибо какие же подвиги могут быть у преступников, – повторюсь, никого не волновало.

Так что второе, настоящее, убийство Сталина было еще и убийством времени, убийством поколения, а заодно и убийством народа. Согласитесь, что сын достойных родителей ощущает себя в жизни иначе, чем сын убийцы и проститутки, и относятся к нему иначе. И если бы не хрущевская экзекуция, то не дошли бы мы через поколение до жизни такой, при которой каждый заезжий иностранец учит нас жить, а мы ему внимаем, согласно кивая. И будем внимать до тех пор, пока не перестанем ощущать себя детьми убийцы и проститутки, опять же, согласно кивая. В годы перестройки договорились до полного абсурда, начав подсчитывать, сколько и чего вывезли наши из побежденной Германии. Картинную галерею, дескать, поимели. Какой кошмар! А то, что немцы прошли огнем и мечом по нашей земле – это не считается. Да и вообще, это Сталин хотел весь мир завоевать, как пишет господин Суворов (а его русские читатели, опять же, согласно кивают), а Гитлер, бедненький, только защищался. Так, блин, защищался, что до Москвы дошел! Осталось только потребовать от российского правительства пенсиона немецким ветеранам, по примеру того, какой в Германии получают евреи. Они, конечно, молодцы, что сумели эти выплаты организовать. Вот только хотелось бы знать, что думают на том свете сгоревшие в печах Освенцима по поводу гешефта, который сделали потомки на их смерти?

Никита Сергеевич, конечно, обо всем этом не думал. Он просто хотел удержать власть и не казаться при этом ничтожеством себе самому и другим. Средства его не волновали. И не было баснописца, чтобы сказать: «Когда бы от земли могла поднять ты рыло, тебе бы видно было, что эти желуди на мне растут».

И, что хуже всего, разрушая, Хрущев и компания ведь ничего не дали взамен. Будь на их месте умные политики, они хотя бы всемерно помогали церкви – но идейно Хрущев так и остался навсегда большевиком-ленинцем, так что ненависть его к церкви была еще более сильной и желудочной, чем ненависть к Сталину. А его собственная команда, идеологи нового режима, его писатели, киношники и прочие «инженеры человеческих душ» оказались в идеологическом смысле абсолютно бесплодны. Попытка заменить культ Сталина культом Хрущева с треском провалилась – уж больно карикатурный персонаж уселся в «кресло № 1» Страны Советов. Молодежь, прекрасное поколение «шестидесятников», начав с пропаганды «простой жизни, жизни без надрыва, жизни, как она есть», кончило неприкрытым и бесстыдным культом приобретательства, в которое к зрелому возрасту эта «жизнь как она есть» у них выроди-

лась, поклонением даже не золотому тельцу, а джинсам и «Сникерсам». Вот уж доподлинно, благими намерениями вымощена дорога сами знаете куда.

Какое-то время еще держались на старых идеологических запасах, на воспоминании о войне, но ведь вечно Днем Победы жить не будешь. Страна, лишенная высокого идеала, за несколько десятилетий сгнила на корню. Во-первых, в ней стало ничего не стыдно. Не стыдно воровать, не стыдно получать незаработанные деньги, не стыдно женщине рекламировать по телевидению прокладки, а мужику презервативы, не стыдно быть проституткой или гомосексуалистом, не стыдно бросать мусор на чистый тротуар и писать в подъездах. Не в том беда, что все это есть, а в том, что – не стыдно. Это все мелкие симптомы, как «звездная сыпь» у сифилитика. Более серьезный симптом, как провалившийся нос, – отсутствие патриотизма, привычка стыдиться своего образа жизни, своей страны как чего-то недоношенно-провинциального. Ну, а третья стадия, до которой у нас, слава Богу, еще пока дошли не все, хотя и многие, – это прогрессивный паралич совести.

Факт тот, что после XX съезда мы жили все бессмысленней и бессмысленней, все грязнее и грязнее. Говорят, «после этого» не всегда значит «вследствие этого». Но ведь не всегда и не значит…

Любой журналист по характеру своей работы является специалистом по обработке массового сознания. Поэтому человеку, достаточно долго проработавшему в СМИ, то, как оболванивалось и оболванивается население России, видно, как рентгенологу скелет. Как ложь, запущенная, допустим, тем же Троцким в ходе политической борьбы со Сталиным, была сначала новооткрытым шокирующим фактом, потом предметом обсуждения, пока, наконец, не приобретала статуса общеизвестной истины. Вот, например, то, что Сталин перед самой войной обезглавил армию, лишив страну элиты вооруженных сил, – первым это написал именно Троцкий еще в 1937 году, потом подхватил Хрущев, и мы бы так и думали до сих пор, да спасибо тому же Виктору Суворову, который задумался: а чего на самом деле стоил Тухачевский как военачальник? А поскольку он, в отличие от большинства историков, людей глубоко штатских, в военных делах что-то понимает, то таланты «красного маршала» тут же предстали во всем их великолепии.

Но это частный случай. А большинство хрущевских агиток, подпитанных перестроечной «разоблачительной волной», так и пребывают в полном здравии. Пример? Пожалуйста. «Черты грубости, коварства, нелояльности, капризности в характере Сталина, а главное – стремление к неограниченному правлению в партии и государстве, неразборчивость в средствах для достижения целей…» – так пишут о Сталине, между прочим, профессиональные историки, доктора исторических наук Г. Арутюнов и Ф. Волков в своей статье «Перед судом истории»[1]. Да откуда вы все это взяли, господа хорошие! Вы что, со Сталиным вино вместе пили, детей крестили, что вы так прекрасно разбираетесь в его характере? «Ну как же, – ответят мне господа хорошие. – Это же общеизвестно, это *все знают*!» Общеизвестные истины – штука коварная. В свое время «все знали», что Солнце движется вокруг Земли, а несогласных с этой истиной, как известно, немножко поджаривали.

Ну да, правильно, это все знают. А откуда знают? Волкогонов сказал? А ему кто? Авторханов? А кто такой Авторханов, он со Сталиным сколько миллиграммов соли съел? А знают это все вот откуда: эту байку запустил в обращение господин Троцкий, успешно приписавший Сталину черты собственного милейшего характера. Ну как же, я хочу власти, значит, и он хочет, не может не хотеть, да и вообще – как может человек не хотеть власти? А историки, до которых все это дошло уже десятой дорогой, потом эти байки радостно подхватили.

[1] Московская правда. 30 марта 1989 г.

А вот Молотов, который рядом со Сталиным полжизни прошел, одним из его основных качеств называет скромность. Реальные факты показывают, что он вовсе не стремился к власти как таковой. Что же касается средств, то он был как раз слишком разборчив. Гитлер устроил «ночь длинных ножей» практически сразу, как пришел к власти, и правил, в общем-то, долгое время достаточно спокойно. Если бы Гражданскую войну выиграли не красные, а белые, они бы на законных основаниях залили полстраны кровью и… приобрели бы статус спасителей отечества. А если бы Сталин устроил «тридцать седьмой год» году этак в 1924-м, то и у него, и у страны оказалось бы куда меньше проблем. Не было бы сотен тысяч репрессированных, и коллективизация бы обошлась легче, и войну бы куда с меньшими жертвами выиграли… А он все в партийную демократию играл, ну и доигрался до того, что пришлось накануне войны наполовину обезглавить страну. Но, чтобы знать это, мало волкогоновские «зады» повторять, надо интересоваться не только мнением историков, но и историей как таковой.

Опять же общеизвестно, что Сталин довел свою жену до самоубийства. Только не надо этого доказывать женщинам, потому что любая женщина тут же поинтересуется – а что собой представляла жена Сталина? Узнать это нетрудно. И, когда узнаешь, то сочувствие как-то улетучивается, и вместо него хочется лишь сказать: во влип мужик!

И так во всем, так всегда. Что такое метод журналистского расследования? Это когда ты выслушиваешь все, что тебе говорят по теме, все взаимоисключающие версии и не лезущие никуда факты. Некоторое время мрачно смотришь на этот ворох событий, мнений, выводов, понимая, что разобраться в этой куче невозможно. А потом начинаешь сортировать все это добро, и в конце концов все каким-то невероятным способом выстраивается в непротиворечивую картину. Метод совершенно одинаков, применяется ли он к коммунальной разборке или всемирной истории. Идеальное воплощение метода – мисс Марпл у Агаты Кристи, которая может упорно думать над крошечным, не лезущим в общую картину фактиком, пока он, наконец, не станет на свое место. А обосновавшись на своем месте, может полностью перевернуть всю картину.

Но, по правде сказать, с таким количеством дезинформации сталкиваться в обыденной жизни не приходится. Наша официальная, неофициальная и полуофициальная история представляет собой сплошное болото, где ни одному слову нельзя просто так верить, каждый факт приходится перепроверять и перепроверять. И по мере этих проверок и перепроверок вырисовывается картина, которая на поверку оказывается совсем другой. То есть настолько другой, что ничего общего…

Часть 1
Иосиф, сын сапожника Бесо

Тайна рождения

Из мифологии:

Иосиф Джугашвили родился 21 декабря. Распространенное в персидском ареале поверье гласит: рожденные в этот день – дети зла.

По официальной версии, отец Сталина – сапожник Джугашвили, а по преданию – князь Эгнаташвили, у которого мать Сталина служила экономкой. Любовный треугольник для восточного сознания непереносим. Джугашвили пил. Однажды он протрезвел и прибил Екатерину Георгиевну. После этого за ним пришли какие-то люди, и больше его никто не видел. Говорили, что он кончил свой век в пьяной драке.

Виссарион Джугашвили работал в Тбилиси. Главой цеха сапожников был армянин. Его наложница, молодая грузинка, зачала, и он предложил сапожнику Джугашвили на ней жениться. В качестве приданого Джугашвили получил некоторый капитал и возможность открыть в Гори собственное дело.

В 1878–1879 годах знаменитый путешественник Пржевальский жил в Гори, где, верный своей привычке, вел дневник. В годы правления Сталина из архива Пржевальского исчез весь этот период. Но в расходной книге за 1880–1881 годы по недосмотру цензора остались отметки об отсылке денег матери Сталина на содержание их общего сына Иосифа.

Отцом Сталина был грузинский епископ.

Сталин – прямой наследник династии Романовых. Он зачат Александром II, когда Екатерина Георгиевна убирала в покоях царя во время его посещения Грузии.

…В свое время Агата Кристи устами Эркюля Пуаро сравнивала секс с рекой, вычистившей авгиевы конюшни. Она имела в виду, что интерес публики к сексу гораздо выше интереса к политике, да и к любым другим темам, и мощнейшей струей этого интереса можно забить все информационные проблемы. Конкретно в данном сюжете нечистоплотность политика значила в глазах публики куда меньше, чем любовные похождения его жены.

Только этим, только желанием любыми путями привлечь интерес читателя можно объяснить то, что серьезные люди, иной раз с ученой степенью, припадают глазом к замочной скважине и подробно пересказывают секреты чужой спальни – кстати, большей частью выдуманные. А чем еще?

В самом деле – какая разница, из чьего семени появился на свет ребенок Екатерины Джугашвили? Да и какие основания думать, что он не был сыном своего отца? Портретное сходство с великим путешественником Пржевальским? Да, есть такое дело. Вот только похожи друг на друга не Пржевальский и Сталин, а их бюсты. Прототипы же особым сходством не обладали.

На самом деле нет никаких оснований сомневаться в супружеской верности жены сапожника Виссариона Джугашвили, кроме старых смутных сплетен, которые, как кто-то тридцать

лет спустя припомнил, вроде бы ходили, а может, и не ходили, а просто какая-нибудь баба со зла ляпнула. Женщине надо быть уж совершеннейшим крокодилом, чтобы про нее языком не трепали, и даже тогда… ну разве что тогда будут трепать языком про мужика – надо же, вокруг столько баб хороших, а он с таким крокодилом связался! И если кому хочется плодить сплетни, то запретить этого, конечно, нельзя, равно как и переубедить сплетников невозможно. Ну хочется им, чтобы этот человек был «зачат в беззаконии и рожден во грехе»! Да еще желательно и в день, когда рождаются дети зла. Чем страшнее, тем интереснее!

И все же девяносто девять шансов из ста, что Иосиф был сыном Виссариона Джугашвили, и один шанс – что тут все-таки постарался какой-нибудь сосед. Виссарион же по происхождению своему тоже был потомком не монарха и не князя, а зажиточного винодела Вано Джугашвили из села Диди Лило. Отец его торговал вином в городе, старший брат Георгий держал харчевню на дороге, и вся мировая история могла бы пойти по-другому, если бы не обрушившиеся на семью несчастья. Сначала умер отец, не дожив даже до пятидесяти лет, а затем какие-то разбойники не разбойники – дело это темное… в общем, брата Георгия убили, а оставшийся наследником всего достояния Виссарион почему-то отправился в Тифлис. Кто его знает, почему – может быть, долги помешали, а может, и чего иного опасался юноша, но из родного села он уехал. В Тифлисе Виссарион выучился ремеслу сапожника, а когда горийский купец Барамов открыл мастерскую, то в числе других мастеров пригласил и его. Было ему тогда около двадцати лет.

Когда Виссариону исполнилось 24 года, он женился на восемнадцатилетней Екатерине Геладзе (или, как ее называли, Кеке), также крестьянской дочери, круглой сироте, которая жила вместе с двумя братьями у своего дяди в Гори. Первый их сын, Михаил, родился спустя девять месяцев после свадьбы, но, не дожив до года, умер. Не зажился на свете и второй, Георгий, который тоже умер в младенчестве от тифа. «И первого, и второго крестил мой дед, – рассказывал кремлевский охранник Сталина Г. Эгнатошвили. – А когда родился третий ребенок – Иосиф, – Екатерина Георгиевна ему сказала: “Ты, конечно, человек очень добрый, но рука у тебя тяжелая. Так что извини меня, ради Бога, Иосифа покрестит Миша”»[2].

Кстати, и насчет персидского календаря доморощенные астрологи оплошали. На самом деле, согласно записи в метрической книге Успенского собора в Гори, Иосиф родился 6 (18) декабря 1878 года. Однако день рождения Сталина празднуется 9 (21) декабря 1879 года. В чем же дело?

Досужие исследователи, опять же, возводят изменение даты рождения к разным сложным психологическим причинам, вплоть до того, что Сталин-де был поклонником магии чисел. Тут можно привести длительное рассуждение В. Похлебкина – не для пользы дела, а просто в качестве примера того, сколь извилистым иной раз бывает путь протекания человеческой мысли.

«У нас будет еще повод поговорить о сталинской склонности к мистике чисел. По грузино-персидскому счету цифра 5 была наделена магическим смыслом. Все, что было кратно 5, должно было приносить счастье, или сбываться…

*В 1889 появилось издание “Вепхис Ткаосани” (“Тигровой шкуры”), которому было суждено помочь ему в выборе крепкого псевдонима, ему было в это время ровно 10 лет. (*Издателем поэмы был Сталинский, отсюда и псевдоним Сталин. Это, конечно, притянуто за уши, и “Витязь” еще более притянут за уши – но надо же как-то оправдать теорию “мистических пятерок”, а больше ничего знаменательного в этом году не происходило. *– Авт.). В 1899 году*

[2] Цит. по: *Логинов В.* В тени Сталина. М., 2000. С. 18.

его исключили из семинарии, и ему исполнилось в это время ровно 20 лет. Следовательно, гораздо правильнее вести отсчет с 1879 г., а не формально с 1878 г. Ибо от 1879 г. его отделяет только несколько дней конца декабря, и, если бы не случайность и мать доносила бы его еще неделю, то он и формально, и фактически родился бы в 1879 г. Ведь когда его спрашивали, сколько ему лет, он считал не формально, а реально… Вот почему он всегда приводил в России только эту дату и решил после 1917 г. окончательно придерживаться ее как реальной, а не "догматической", каким являлся 1878 г. И когда он, вопреки уже принятому им правилу, в 1920 г. указал 1878 г… это было сделано потому, что дата эта указывалась для заграницы, где, как прекрасно знал Сталин, господствовали страшно бюрократические и формальные взгляды и где отход от даты в метриках был бы признан сенсационным. Так вот, чтобы не "раздражать" западных чистоплюев педантичности, Сталин "бросал" им "кость" – формальный год своего рождения, а не фактический, каким был 1879 г., ибо только с него недельный младенец начал свою жизнь и только 1879 г. был первым годом его реальной жизни. Здесь снова проявилась жгучая нелюбовь Сталина к формализму, к догматике и его стремление рассматривать все явления под углом здравого смысла и целесообразности. Но объяснять это кому-либо он просто не стал»[3].

Да, а еще, кроме нелюбви к догматике, здесь явно прослеживаются симптомы начинающейся шизофрении (вопрос только, у кого – у исследуемого или у исследователя). Неудивительно, что с такими биографами главу Советского государства, одного из самых здравомыслящих людей на свете, стали считать сумасшедшим.

Закрученных объяснений можно придумать множество, как между двумя точками можно провести бесчисленное множество кривых. Но практика жизни показывает, что причины таких вещей чаще всего бывали простыми и чисто бытовыми. Когда в 1920 году Сталин собственноручно заполнял анкету для шведского левого журнала «Фолькетс Дагблад Политикен», то дату рождения он проставил правильную – 1878 год, об этом и Похлебкин говорит. В партийных же документах упорно значится 1879 год, но заполнены эти документы чужой рукой, какой-нибудь секретарь механически переписывал с других бумажек. Сначала некоторые исследователи утверждали, что 1879 год рождения появился в партийных документах после 1917 года. Но, рассматривая фотографии Иосифа Джугашвили, сделанные при его поступлении в тюрьму в 1910 году, отчетливо видишь записанное в данных заключенного: год рождения – 1879-й.

Как такое могло получиться? Очень просто. Скорее всего этот год рождения значился в том фальшивом паспорте, с которым его взяли в 1910 году, только и всего. Подлинную фамилию в конце концов установили, а с датой рождения никто возиться не стал: какая, собственно, разница, какой там конкретно год? Если бы ему было семнадцать или двадцать лет, то в точном определении возраста был бы смысл, поскольку это могло повлиять на приговор, а тридцатилетнему не все ли равно? 1879 год попал в жандармские документы, затем в обычные – надо же было по отбытии ссылки вместо фальшивого паспорта получить нормальный – и так и пошел кочевать из бумаги в бумагу, пока не приобрел официальный статус. А когда ошибка была замечена, оказалось проще смириться с ней, чем исправлять, тем более что революционеры к таким вещам относились легко.

…Но вернемся в Гори. У нового кума рука была легче, чем у прежнего. Мальчику, правда, тоже досталось от жизни, – он перенес тиф, в шесть лет болел оспой, но остался жив. Ничего необычного в этом не было – тиф и туберкулез являлись бичом Закавказья, время от времени вспыхивали эпидемии оспы, а уж дети в те времена мерли, как мухи. Моя прабабка, жившая в финской деревне, родила шестнадцать детей – выжило шесть. Примерно то же соотношение было и у Екатерины Джугашвили.

---

[3] *Похлебкин В.* Великий псевдоним. М., 1996. С. 113–114.

В детстве Иосиф сильно ушиб руку, возникло нагноение в суставе, за ним заражение крови, от которого мальчик едва не умер. Потом всю жизнь левая рука у него плохо сгибалась в локте, а с возрастом начала сохнуть, так что под старость он уже в ней ничего тяжелее трубки держать не мог. Лет в десять-одиннадцать он попал под фаэтон, повредив ногу, так что потом, с возрастом, пришлось носить специальную обувь, но об этом мало кто знал. И вообще мальчик был далеко не крепкого здоровья, ну, так не всем же быть здоровяками, разве не так?

Семья снимала комнату в крохотном одноэтажном домике. Позднее в этом домике устроят музей, так что биографы «вождя народов» смогут красочно описывать его детство. «Стол, четыре табуретки, кровать, небольшой буфет с самоваром, настенное зеркало и сундук с семейными пожитками – вот и вся его обстановка. На столе – медная керосиновая лампа. Белье и посуда хранились в открытых стенных шкафах. Винтовая лестница вела в подвальное помещение с очагом. Бесо держал здесь кожу и сапожный инструмент. Из мебели были некрашеная табуретка да колыбель Сосо»[4].

Тем не менее по местным понятиям родители его были люди не бедные. Каковы были эти понятия? «Среди людей нашего ремесла, – вспоминал помощник Виссариона Давид Гаситашвили, – Бесо жил лучше всех. Масло дома у него было всегда. Продажу вещей он считал позором»[5].

Однако семейное счастье оказалось недолгим. Виссариону не было еще и тридцати, когда он начал пить, и с тех пор все в семье пошло наперекосяк. Они стали менять место жительства, постоянно кочевали по городу с квартиры на квартиру. Мало того, что отец своим поведением позорил семью, но скоро он перестал приносить домой деньги и появлялся теперь только «разбираться» с женой и «воспитывать» сына. Иосифу было лет десять, когда он во время одной такой сцены бросил в отца ножом, а потом несколько дней прятался у соседей.

По счастью (ибо в том, что пьяница ушел из семьи, для семьи горя нет) – так вот, по счастью, году примерно так в 1890-м он уехал в Тифлис и оставил их в покое. Правда, предварительно он успел-таки «показать» жене, как большинство пьяниц мечтает – увез мальчика с собой. Ты, мол, мечтаешь, что твой щенок будет митрополитом? Так вот тебе: я – сапожник, и сын мой будет сапожником, что хочу, то из него и сделаю. Несколько месяцев провел мальчик в Тифлисе, работая на обувной фабрике Адельханова, пока не приехала опомнившаяся мать, потерявшая всякий страх перед мужем, и не увезла его обратно в Гори. Напоследок отец предложил сыну выбор: или мальчик остается с ним, или уезжает с матерью и он, отец, снимает с себя всякую заботу о нем. Мальчик бестрепетно последовал за матерью, и оба они постарались об отце навсегда забыть. Ни Екатерина, ни Иосиф так Виссариона и не простили. Сын почти никогда не рассказывал об отце, и даже неоднократные просьбы музея в Гори опознать ту единственную фотографию, которая у них была – действительно ли на ней изображен Виссарион, – остались без ответа. Вернувшись домой, Кеке стала всем говорить, что муж ее умер.

Но на самом деле Бесо Джугашвили не умер. Иосиф, когда от него требовали сведения об отце, отвечал, что местонахождение того неизвестно. В 1895 году он писал в заявлении на имя ректора семинарии: «Отец мой уже три года не оказывает мне отцовского попечения в наказание того, что я не по его желанию продолжил образование». Лишь недавно стало известно, что Виссарион дожил почти до 60 лет и умер 7 августа 1909 года в Тифлисе, от цирроза печени. Умер он в больнице, куда был доставлен из ночлежного дома, и похоронен на общественный счет. О его могиле ничего не известно, и никто ее не искал.

Теперь мать боролась за жизнь, свою и сына, в одиночку. Екатерина давно, еще до отъезда мужа, вынуждена была работать. Для нее, неграмотной крестьянки, доступным был лишь труд

---

[4] *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. М.: Прогресс. 1990. С. 75.

[5] *Островский А.* Кто стоял за спиной Сталина. М.; СПб., 2002. С. 93.

поденщицы, и она мыла полы, стирала белье, пекла хлеб, шила по домам и тем содержала себя и сына. Позднее она выучилась на портниху, тогда стало немного полегче, но все равно тяжело. В 1935 году она вспоминала: «Я работала поденно и воспитывала сына. Трудно было. В маленьком темном домике через крышу протекал дождь и было сыро. Но никогда, никогда я не помню, чтобы сын плохо относился ко мне»[6].

Другое дело, что, как пишет Светлана Аллилуева, «он был плохим, невнимательным сыном, как и отцом, и мужем…». Но причина была не в какой-то душевной черствости, а оттого, что на плечах этого человека лежала чудовищно тяжелая ноша, и все мысли и чувства были отданы делу, на долю семьи приходились жалкие остатки… Почему-то, когда речь идет о великом писателе или музыканте, то такое поведение считается оправданным – как же, гений! А великий государственный деятель обязан успевать все.

Обычно сдержанный и немногословный, Сталин редко рассказывал о своем детстве. Светлана, любимая дочь, которой, казалось бы, должно было больше всего доставаться ласки от отца, писала в своей книге: «В музее Сталина в Гори никак не хотели увеличить прекрасную фотографию отца вместе с его матерью при последнем посещении в 1936 году. Они сидят рядом за столом, очевидно, в ее комнате, и она держит руку на его плече, а у него такое счастливое, такое любящее выражение лица, какого я вообще никогда у него не видела!» При этом мать отнюдь не либеральничала с сыном, характер у нее был крутой и непреклонный, мальчику не раз доставалось от нее. Та же Светлана вспоминает, что отец говорил ей: «Как она меня била! Ай-ай, как она меня била!» Хотя, надо сказать, в то время с детьми не церемонились так, как теперь, телесные наказания были очень даже в ходу и никто не считал их чем-то ужасным. Как-то раз, уже будучи главой государства, он все-таки спросил свою мать: «Почему ты меня часто била?» – «Вот ты и вырос хорошим», – ответила та. Подзатыльники не изменили отношения Сталина к матери, но… собственных детей он пальцем не трогал! Хотя кое-кого выпороть бы и не мешало!

У Екатерины были свои правила в жизни. Она так и не вышла больше замуж, прожив одинокой, но также и не переехала к сыну, когда тот обосновался в Москве. Рассказывают, что она жила во дворце, что ходила по магазинам, окруженная приживалками, и небрежно палкой указывала на деликатесы – рассказывают, должно быть, те, кто видит свое представление о счастье именно в такой жизни. Та же Светлана вспоминает, что она действительно обитала в каком-то старинном дворце с парком, но занимала в нем низкую темную комнатку с маленькими окнами во двор. «Я все удивлялась: почему бабушка так плохо живет? Такую страшную черную железную кровать я вообще видела впервые в жизни». И уж в чем-чем, а в этом можно быть уверенным: не потому, что не было возможности устроиться иначе. Мать Сталина в Грузии могла бы роскошествовать, как царица. Кстати, и сын ее всю жизнь жил фактически в одной комнате. Он в детстве не был приучен к роскоши и никогда к ней не стремился, даже тогда, когда мог позволить себе все, что угодно.

Естественно, пьянство и жестокость отца, суровые условия жизни наложили свой отпечаток на характер мальчика. Вот только какой отпечаток? Один сын пьющего отца вырастает пьяницей, другой – трезвенником, один, в подражание ему, злобным и агрессивным, другой, из чувства протеста, добрым и мягким.

Однокашник Сталина по семинарии И. Иремашвили позднее писал: «Незаслуженные страшные побои сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, каким был его отец. Поскольку люди, наделенные властью над другими благодаря своей силе или старшинству, представлялись ему похожими на отца, в нем скоро развилось чувство мстительности ко всем, кто мог иметь какую-либо власть над ним. С юности осуществление мстительных замыслов

[6] Интервью Екатерины Джугашвили газете «Правда». 23 окт. 1935 г.

стало для него целью, которой подчинялись все его усилия»[7]. Но это «психоаналитическое» свидетельство – единственное в таком роде. Остальные, кто знал Иосифа в юности, говорят о нем совсем другое. Иремашвили вообще пишет о Сталине мало хорошего, не зря же его с такой охотой цитирует Троцкий. В юности они с Иосифом были хорошо знакомы, но потом пути их разошлись, Иремашвили оказался в эмиграции. Это надо учитывать, когда пользуешься его свидетельствами. Проигравшие и обиженные далеко не всегда бывают объективны, для этого надо иметь уж очень большое благородство души…

Но и пай-мальчиком Иосиф определенно не был. Он был большой драчун, что, впрочем, поощрялось на Кавказе, где из мальчишек старались воспитывать воинов. Другой его товарищ детства, М. Церадзе, вспоминает: «Любимой игрой Сосо был “криви” (коллективный ребячий бокс). Было две команды боксеров – те, кто жили в верхнем городе, и представители нижнего. Мы лупили друг друга беспощадно, и маленький тщедушный Сосо был одним из самых ловких драчунов. Он умел неожиданно оказаться сзади сильного противника»[8]. И действительно, на коллективной ученической фотографии видно, что Сосо был совсем маленьким и худеньким – зато как прямо и гордо он держался! Когда чувствовал себя правым, он не уступал никому, даже учителю. Как и многие дети бедняков, он рано понял, что только сам может пробить себе дорогу, и с тех пор все силы его были устремлены на то, чтобы учиться.

Какого будущего могла ожидать для своего сына неграмотная крестьянка Екатерина? В то время «светлое будущее» для ребенка из низших слоев общества представлялось в одном из двух видов: или он станет чиновником, или священником. Глубоко верующая мать выбрала для Иосифа вторую стезю.

Гори, хотя населения в нем насчитывалось всего шесть тысяч человек, являлся образовательным центром уезда. Там имелось шесть учебных заведений: учительская семинария, женская прогимназия, три училища – городское, духовное православное и духовное армянское, а также женское начальное училище. Екатерина добилась того, что сына приняли в духовное училище. Преподавание там велось на русском языке, которого грузинский мальчик, естественно, не знал. По счастью, сыновья домохозяина, обучавшиеся в том же училище, помогли ему, и восприимчивый Сосо так овладел русским, что смог поступить сразу во второй приготовительный класс и через год стал полноправным учеником.

(Кстати, одна из причин того, что Сталин писал матери мало и очень короткие письма, был именно «языковой барьер». Екатерина не умела ни говорить, ни читать по-русски, сын же ее разговорный грузинский язык помнил, а вот письмо за столько лет забыл. Приемный сын Сталина Артем Сергеев рассказывал: «Я помню, как он однажды сидел и синим карандашом писал ей письмо. Одна из родственниц Надежды Сергеевны говорит: “Иосиф, вы грузин, вы пишете матери, конечно, по-грузински?” Знаете, что он ответил? “Какой я теперь грузин, когда собственной матери два часа не могу написать письма. Каждое слово должен вспоминать, как пишется”».)

…Однако за учебу надо было платить. Пока отец жил в Гори, он все-таки приносил домой какие-то деньги, хотя бы те, что оставались после походов по кабакам. После окончательного ухода мужа из семьи оказалось, что плата за обучение – 25 рублей в год – для поденщицы непосильна, и мальчика исключили из училища. Было это в конце первого класса, и как раз тогда отец увез сына в Тифлис, так что продолжить обучение тот смог только через год. Но мальчик был очень способным, училищное начальство это заметило, и мать сумела добиться не только бесплатного обучения, но даже того, что ему платили небольшую стипендию – сначала

[7] *Иремашвили И.* Сталин и трагедия Грузии. Берлин, 1931. С. 11–12.

[8] Цит. по: *Радзинский Э.* Сталин. М., 1997. С. 34.

три рубля в месяц, потом, позднее, семь рублей, да еще выдавали одежду. Это, конечно, было большое подспорье – но какое унижение!

Все годы обучения Сосо неизменно оставался первым учеником – впрочем, это было не так уж и трудно, благодаря вниманию и феноменальной памяти. В училище он пользовался авторитетом не только среди учеников, но и среди учителей. Мальчик рано и на всю жизнь пристрастился к чтению (к четырнадцати годам он перечитал, наверное, все книги, которые можно было достать в Гори). Теперь на переменах он редко участвовал в ребячьих играх, а больше сидел в стороне с книжкой, и тогда становился собранным, немногословным, если его спрашивали о чем-то, отделывался междометиями. (Это свойство – умение концентрироваться и невероятная память – позволили ему постепенно стать одним из образованнейших людей своего времени, при том, что формально он ни в каких университетах не обучался.) А так был мальчишка как мальчишка – живой, открытый, хороший товарищ, всегда готовый помочь.

Сын глубоко и горячо верующей матери, Иосиф и сам был в детстве очень верующим. Он выполнял все церковные правила и напоминал о них более легкомысленным товарищам. Потом что-то произошло. Троцкий утверждает, что неверующим он стал в тринадцать лет. «Глурджидзе вспоминает… как тринадцатилетний Иосиф сказал ему однажды: “Знаешь, нас обманывают, Бога не существует…” В ответ на изумленный возглас собеседника Иосиф порекомендовал ему прочесть книгу, из которой видно, что “разговоры о Боге – пустая болтовня”. “Какая это книга?” – “Дарвин. Обязательно прочти”».

Впрочем, Дарвин – это всего лишь ребяческое сомнение, у верующих оно по мере взросления легко разрешается. Человек – не прямая линия, что неизменно придерживается одного направления, человеку свойственно меняться, он знает взлеты и падения, веру и сомнение, утверждение и отрицание. Несомненно, в какие-то периоды жизни Сталин был безбожником, а вот был ли он безбожником всю жизнь – это вопрос. И, несмотря даже на формальное безбожие, у него – об этом говорят многие нюансы – безусловно было христианское миропонимание: приоритет обязанностей над правами, жизнь, рассматриваемая как служение, как крест. Много лет спустя в письме к матери он напишет: «Долю свою я выдержу», – и, к чести своей, никогда не пытался уйти от ответственности, какой бы неподъемной она ни была. И если Иосиф Джугашвили ушел от Бога в тринадцать лет, увлеченный Дарвином, то это совсем не означает, что он не пришел к нему в пятьдесят. Но даже если это было и так, то об этом, как нетрудно догадаться, в тех условиях он никому не рассказывал…

Чему его научила семинария

Из мифологии:

Между Февральской и Октябрьской революциями в Петрограде шли митинги и дискуссии. Сталин принимал в них деятельное участие. Однажды он вычитал в книге Сергея Булгакова цитату из Библии и привел ее в споре с меньшевиком Ноем Жордания, приписав Марксу. Жордания стушевался.

– Из какой это работы Маркса? – спросили потом у Сталина.

– Откуда я знаю? В борьбе все средства хороши!

Самое забавное здесь даже не то, что, по мнению автора этого анекдота, цитату из Библии можно выдать за Маркса. Самое забавное то, что Сталин будто бы вычитал ее у Сергея Булгакова. Хотя это еще большой вопрос, кто лучше знал Библию: философ Булгаков или Сталин, который пять лет изучал библейские тексты в семинарии, а память у него была абсолютная. Но уж так хочется показать Сталина недоучкой, так хочется…

В царское время семинария была тем, что теперь называют «средним специальным учебным заведением» – кстати, сейчас она если и не официально, то в глазах общества имеет статус вуза. Да, набор предметов там несколько специфичен, но что касается методологии, то семинарское образование вооружает человека таким уровнем и такой культурой мышления, как редко какой университет способен. Кто не верит, пусть попробует поговорить с рядовым священником и сравнить его интеллектуальный уровень, скажем, с уровнем рядового учителя или инженера с университетским образованием.

Над Сталиным принято иронизировать еще и по причине того, что он-де не кончил курса. Конечно, пять лет в семинарии – это меньше, чем шесть лет в семинарии, но куда больше, чем, скажем, ленинский экстернат в Казанском университете (да и не экстернат тоже, учитывая, что «от сессии до сессии живут студенты весело»).

…В мае 1894 года Иосиф с отличием окончил училище и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Поступил он достаточно легко, но опять возникла проблема с деньгами. Положение было совершенно отчаянным, потому что платить здесь следовало гораздо больше: уже не 25, а 140 рублей в год (40 собственно за обучение и 100 рублей – за содержание). На казенный кошт принимались лишь сироты или юноши из самых бедных семей и преимущественно духовного звания. Но мать сумела найти в семинарии покровителей, и Иосифу сделали исключение, приняв на казенный счет. Сохранились его заявления с просьбой об оказании материальной помощи: «…прибегаю к стопам Вашего высокопреподобия и прошу покорнейше оказать мне помощь». Вот отличительная черта Иосифа – он никогда не умел с достоинством просить. Ну не давалась ему эта наука! Его прошения из тюрьмы во время арестов – обычное, в общем-то, дело, можно сказать, бытовое, – просто неловко читать. Даже находясь в ссылке, в отчаянном положении, он просит товарищей помочь ему деньгами – а он имел, как член ЦК, совершенно неоспоримое право на помощь партии! – так, словно извиняется за причиненное беспокойство. Зато другим помогает, не ожидая просьб: Сергею Аллилуеву, когда тот собрался переезжать со своей большой семьей в Петербург, сам принес деньги и, невзирая на отказ, заставил взять – тебе нужно, у тебя дети. Кстати, это отчасти объясняет одну из «загадок Сталина» – почему он, при том, что был профессиональным революционером и находился на партийном содержании, да еще и нередко работал, всегда был так отчаянно беден. Не то что называют бедностью сейчас, а беден абсолютно, до того, что одежду имел только ту, что на нем. Другие революционеры ведь так не нуждались! Куда этот-то девал деньги? Должно быть,

туда и девал – помогал товарищам, наверняка помогал матери – если об этом не сохранилось свидетельств, это не значит, что он бросил мать на произвол судьбы.

…Но мы все время отвлекаемся от темы. Итак, Иосифа приняли в семинарию. Это был совсем другой мир, жесткий, холодный, так непохожий на мир детства. Несколько сотен собранных вместе юношей, которые наверняка, как всегда бывает в подобных коллективах, сформировали соответствующее сообщество, с делением на «старших» и «младших», и младшим, как бы они ни были горды, приходилось выносить «смазь вселенскую». Казенная жизнь и казенный распорядок дня, постоянный контроль за каждым шагом и, по возможности, за каждой мыслью. «Жизнь в духовной семинарии протекала однообразно и монотонно, – вспоминает товарищ Иосифа по семинарии Доментий Гогохия. – Вставали мы в семь часов утра. Сначала нас заставляли молиться, потом мы пили чай, после звонка шли в класс. Дежурный ученик читал молитву “Царю небесному”, и занятия продолжались с перерывами до двух часов дня. В три часа – обед. В пять часов вечера – перекличка, после которой выходить на улицу запрещалось. Мы чувствовали себя как в каменном мешке. Нас снова водили на вечернюю молитву, в восемь часов пили чай, затем расходились по классам готовить уроки, а в десять часов – по койкам, спать»[9].

Но это было еще не все. Если бы Иосиф попал в учебное заведение, в котором царил истинно христианский дух, дух любви, то этот пылкий юноша, не знавший алчности, не склонный к разгулу, страстно любивший книги и одержимый жаждой справедливости, мог бы стать одним из подвижников церкви. Но порядки в Тифлисской семинарии оказались скорее иезуитскими, да и вообще конец XIX века был далеко не лучшим временем для Православной церкви, отнюдь! – и это окончательно оттолкнуло Иосифа, по-юношески гордого и не знавшего компромиссов, от Бога и от стремления к духовной карьере. Единственное, что оставалось неизменным в этом худом, тщедушном парне – так это гордость и достоинство, и надо же было случиться, чтобы именно они постоянно и ежедневно страдали. Спустя полвека он говорил в интервью писателю Эмилю Людвигу, отвечая на вопрос, что сделало его марксистом:

«**Людвиг.** Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?

Сталин. Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело православная духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

Людвиг. Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?

Сталин. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе для осуществления дурных целей. Но основной их метод – это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство – что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю. Уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики… Что может быть в этом положительного?»

В этих условиях характер Иосифа начал меняться. Куда делся живой и открытый мальчик, каким его знали в Гори? Соученики вспоминают, что вначале он был тихим, застенчивым, предупредительным, но это длилось недолго. Еще вспоминают, что был агрессивным, сильным и умел хорошо драться. Маленького роста, рябой, с больной рукой, непохожий на других (его не любили за необычные манеры) – он стал бы удобной мишенью для жестокости сотоварищей, если бы не мог защитить себя и при необходимости напасть первым.

---

[9] Цит. по: *Островский А.* Кто стоял за спиной Сталина. М.; СПб., 2002. С. 111.

Иосиф был замкнутым, жаловаться и показывать, как ему трудно, было не в его характере – как тогда, так и потом. Косвенно догадаться о том, как тяжело ему тогда приходилось, можно по одному штриху. Серго Орджоникидзе позднее вспоминал, что говорили про Иосифа его знакомые того времени: «Коба не понимает шуток. Странный грузин – не понимает шуток. Отвечает кулаками на самые невинные замечания»[10]. Позднее о нем такого не говорили, наоборот, взрослому Сталину чувство юмора было очень даже свойственно.

Однако вскоре Иосиф полностью адаптировался в новом мире, у него появилось много приятелей. Учился он по-прежнему хорошо, первый класс окончил восьмым по успеваемости, второй – пятым. Но потом пришли новые интересы и увлечения, и учеба отступила на второй план. Первым и главным интересом у него и здесь стали книги, хотя доставать их в Тифлисе было и легче, и труднее, чем в Гори. Легче – потому, что тут имелись книжные магазины, «Дешевая библиотека», читателем которой он стал в 1896 году. Труднее – поскольку любая светская литература была в семинарии запрещена, и чтение ее строго наказывалось.

Все больше и больше посторонние книги вытесняли из его сознания и из его распорядка дня (и ночи!) учебные предметы. Успеваемость Иосифа начала снижаться, участились записи в кондуитном журнале о том, что он читал неположенную литературу – романы Гюго и другие книги. За это полагался карцер, так что у него было время обдумать прочитанное.

Впрочем, стремление к знаниям, лежащим вне пределов семинарского курса, оказалось свойственно не одному Иосифу. В семинарии в то время существовал ученический кружок, руководимый Сеидом Девдориани, и осенью 1896 года Иосиф присоединяется к нему. Правда, ребята занимались изучением вещей совершенно невинных, читали художественную литературу и книги по естественным наукам, все разрешенное цензурой, никакой нелегальщины. Но, с другой стороны, чтение любых светских книг в семинарии запрещалось, так что кружок мог быть только тайным. Но так даже интересней!

Из мифологии:

Несостоявшиеся художники и поэты – ужасные люди: они претендовали на общечеловеческое внимание к их голосу, а на их писк не глянулся даже сосед. Жажда славы гложет изнутри и разрушает. Сальеризм и смертельная ненависть ко всему, что выше посредственности, – удел этих авторов и суть их мировоззрения. Из неудавшихся художников рождаются диктаторы.

Муссолини был несостоявшимся поэтом и художником.

Гитлер – несостоявшимся живописцем.

Сталин и Мао начинали свою жизнь с попыток стихотворчества, и только абсолютная власть, к которой ни прорвались, сделала их стихи предметом интереса сначала льстецов, а потом и всех современников.

Абсолютная власть – замена (вытеснение) художественной славы.

Нет, но какое немыслимое, сверх всяких горных вершин, типично интеллигентское высокомерие прет из этих строк! Художественное творчество – превыше всего на земле, и даже власть есть всего лишь жалкая компенсация лаврового венка.

---

[10] Цит. по: *Яковлев Н.* Сталин: путь наверх. М., 2000. С. 31.

Кстати, сейчас достоверно установлено: Сальери к смерти Моцарта совершенно непричастен. Снова после двухсот лет молчания зазвучала его музыка – и оказалась хорошей, красивой.

Впрочем, вышеприведенный пассаж не имеет к Сталину никакого отношения: ни в том, что касается власти, ни в том, что касается творчества.

Романтически настроенный юноша писал стихи, и писал хорошо. Окончив первый курс семинарии, он перед тем, как уехать на каникулы, пришел в редакцию газеты «Иверия» и показал их Илье Чавчавадзе, который, несмотря на крайнюю молодость автора, напечатал пять из них в газете. Несколько позже еще одно появилось в газете «Квали». То, что стихи были хорошими, доказывает их дальнейшая судьба. В 1901 году М. Келенджеридзе, составляя пособие по грузинской словесности, включил в него одно из этих стихотворений наряду с лучшими классическими образцами. Поскольку будущий «отец народов» был тогда еще безвестным молодым человеком, ни о каком «низкопоклонстве» или «культе» речи не шло. В 1907 году другое стихотворение из подписанных псевдонимом «Сосело» было приведено в «Грузинской хрестоматии, или Сборнике лучших образцов грузинской словесности» – а ведь все это написал шестнадцатилетний юноша! Но поэтический талант Иосифа не получил развития, вскоре его целиком захватило новое дело, которому он впоследствии отдаст всю свою жизнь.

В Грузии с самого момента присоединения к России было развито националистическое движение – но не общественно-политическое. В 80-х годах в Тифлисе существовала парочка народнических кружков, занимавшихся просветительской деятельностью. В конце 80-х стали появляться революционные партии. Первыми успели армяне, которых было большинство в многонациональном Тифлисе, – в 1890 году они организовали партию «Дашнакцутюн», что по-армянски значит «Союз». А в 1892 году дошла очередь и до грузин. В том году появились сразу две грузинские революционные организации – «Лига свободы Грузии», лидером которой стал Ной Жордания (кстати, бывший воспитанник Тифлисской духовной семинарии) и «Месаме даси» («Третья группа»). Последняя попыталась взять под контроль существовавшие в городе ученические кружки самообразования, а также наладить доставку нелегальной литературы.

Однако у них ничего не вышло, и вскоре только что созданная организация распалась, частью из-за объективных трудностей, но больше из-за того, что члены группы все время приезжали, уезжали, эмигрировали, и организовать мало-мальски регулярную работу было крайне трудно. В 1895 году с попыткой объединить всех революционеров вокруг газеты «Квали» выступил ее редактор Г.Е. Церетели. К тому времени в Тифлисе уже существовали рабочие кружки, объединявшие русских рабочих, а в середине 90-х годов возник и первый грузинский рабочий кружок.

К концу 1897 года все наконец объединились. Газета «Квали» стала первым легальным марксистским органом, а лидером новорожденной тифлисской социал-демократии – ее новый редактор Ной Жордания. Но занимались они исключительно созданием рабочих кружков и пропагандой там своих идей, дальше этого дело пока не шло.

Даже самый жесткий надзор и иезуитские правила оказались бессильны. Несмотря на них (или же благодаря им – это как посмотреть), Тифлисская духовная семинария являлась рассадником вольнодумства в Закавказье. Из ее стен вышли многие видные революционеры, да и сами эти стены то и дело сотрясались от беспорядков. За несколько лет до того, как сюда пришел Иосиф Джугашвили, семинарист Сильвестр Джибладзе (один из будущих основателей «Месаме даси») ударил ректора за то, что тот назвал грузинский язык «языком для собак», а через год один из бывших семинаристов убил ректора. Как раз перед тем, как Сосо начал учиться, семинарию в очередной раз потрясли беспорядки, о которых он узнал еще в Гори от своих друзей Ладо Кецховели и Михи Давиташвили. Учащиеся на неделю прекратили занятия и предъявили требования администрации: прекратить обыски и слежку, а также уволить

несколько человек из числа особенно нелюбимых учениками наставников. В ответ 87 человек были отчислены (23 из них высланы из Тифлиса), а семинарию закрыли на год, так что занятия возобновились только в 1894 году – как раз в тот год, когда там начал учиться Иосиф Джугашвили.

Став членом ученического кружка, Иосиф очень скоро вышел в лидеры и начал тянуть его в новом, крамольном направлении. Сеид Девдориани задумывал кружок как общеобразовательный, а Джугашвили интересовали общественно-политические науки. В 1898 году Сеид закончил семинарию, поступил в Юрьевский университет и уехал из Гори, после чего Иосиф без особого труда перетянул остальных членов кружка на свои позиции. Но самостоятельно изучать общественные науки ребята не могли, им нужен был наставник. И тут, как по заказу, в Тифлис приехал старый, еще горийский приятель Иосифа Владимир Кецховели, больше известный в революционных кругах как Ладо. Он был исключен из Тифлисской семинарии после забастовки 1883 года, поступил в киевскую семинарию, но и там «отличился» – у него на квартире была обнаружена нелегальная литература. От преследований полиции Ладо спасла объявленная в 1896 году по случаю коронации Николая Второго амнистия, но из семинарии его, естественно, выгнали, и он снова вернулся в Грузию. В 1897 году он приехал в Тифлис и устроился корректором в типографию (не просто так, а с дальним прицелом, предчувствуя, что скоро молодым противникам режима понадобится типография, и желая приобрести опыт). Ладо быстро связался с молодыми тифлисскими революционерами, которые занимались тогда почти исключительно пропагандистской работой, и осенью 1897 года взял на себя руководство ученическим кружком Тифлисской семинарии. Несмотря на молодость, это был уже настоящий революционер, знакомый в том числе и со взглядами Маркса. Так Иосиф Джугашвили нашел ту ниточку, которая привела его к социал-демократам. Для него это было настолько важно, что он впоследствии датировал свое вступление в революционное движение 1897 годом, хотя формально это случилось несколько позднее.

Вскоре Иосиф связался и с единомышленниками вне семинарии. Естественным образом он стал членом того кружка, в который входил Ладо, а вскоре состоялся и его дебют в качестве пропагандиста. Было это в самом начале 1898 года, когда один из его новых знакомых, Сильвестр Джибладзе (тот самый!), привел юношу на занятие кружка железнодорожных рабочих. «Обкатка» прошла успешно, и вскоре Сосо (первой партийной кличкой которого стало его имя) уже руководил собственным кружком, составленным из молодых железнодорожников. Причем в его кружок входили не грузинские, а русские рабочие, что говорит о достаточно высоком уровне молодого пропагандиста. (Русские и грузинские рабочие занимались отдельно из-за языкового барьера.) К тому времени Иосиф всерьез заинтересовался марксизмом – самого Маркса, правда, еще не читал, поскольку его работ в Тифлисе было не достать, но слышал о нем от новых товарищей и от них же воспринял азы его учения. В 1899 году он даже начал изучать немецкий язык, чтобы прочесть Маркса и Энгельса в оригинале.

Лето 1898 года можно считать поворотной точкой в жизни Иосифа: он стал членом Тифлисской организации РСДРП. Теперь учеба в семинарии стала ему серьезно мешать. Увлечение общественными науками оставляло мало времени для наук божественных, и, что было еще более важно, строгий семинарский надзор не давал Иосифу нормально работать в качестве пропагандиста. Все же еще некоторое время он пытался учиться. Четвертый класс он закончил с одной четверкой (остальные были тройки), уравновешенной двойкой по Священному Писанию. С дисциплиной обстояло примерно так же. Уже в 1898 году инспектор Дмитрий Абашидзе предложил исключить Иосифа Джугашвили из семинарии, но тогда ректорат его не поддержал, вероятно, надеясь, что строптивый, но способный ученик все-таки одумается и исправится. Но он и не думал исправляться. Годовые оценки в пятом классе у него – исключительно тройки, в том числе и по поведению. Экзамены Иосиф не сдавал и летом 1899 года был отчислен из семинарии.

Впоследствии исследователи из интеллигентов, абсолютизирующие университетские аудитории, не раз высокомерно называли Сталина недоучкой, что занятно – ибо, кто бы и что ни говорил, но духовное образование во все времена было хорошим образованием. Пусть там не присутствовали некоторые предметы, которые изучались в светских учебных заведениях, вроде естественных наук, литературы, иностранных языков. Зато оно давало, например, более глубокое знание истории. Но даже не в этом дело. Семинария дала Иосифу великолепный метод познания мира. Анализ Священного Писания научил его глубоко и полно анализировать прочитанные книги и соотносить их с жизнью, сопоставлять, применять книжное знание к жизни и наоборот, в то время как многие универсанты так навсегда и остались слепыми схоластами. Для человека, приученного читать и понимать библейские тексты, не представляют трудности самые запутанные общественные науки, даже такие, как философия, – правда, после Библии философия неинтересна, но это уже совсем другая тема. Должно быть, там же – может быть, даже не замечая этого, – он получил ту особую жизненную стойкость, которая всегда отличала Сталина от его товарищей по партии. Наконец, и некоторые специальные умения оказались далеко небесполезны – так, Сталин всегда имел совершенно особые ораторские способности. Он говорил коротко, доходчиво и убедительно, никогда не произносил пламенных речей, как другие ораторы, зато умел убеждать и совершенно великолепно владел аудиторией. Ничего удивительного в этом нет, если вспомнить, что в семинарии Иосиф изучал гомилетику – искусство церковной проповеди, которое потом успешно применял. Правда, совсем в другой области жизни, но зато чрезвычайно продуктивно.

А самое главное – он всю жизнь занимался самообразованием. В тюрьме, в ссылке, в любую свободную минуту на воле Иосиф был всегда с книжкой. Книги – единственное, что он был способен «экспроприировать» даже у товарищей. Когда Сталин уже стал главой государства, то, по одним данным, его норма чтения была 300 страниц в день, по другим – 500 (!). После его смерти осталась громадная библиотека – около 20 тысяч томов, большинство с пометками (!). И это при том, что большая часть сталинской библиотеки пропала во время войны. И не стоит абсолютизировать диплом – сколько есть невежд не только с дипломами, но даже и с учеными степенями!

Из мифологии:

Как-то, отдыхая на юге, Сталин пригласил к себе расположившегося в тех же краях Рютина. Тот сказал: «А что я у тебя буду делать? Нам с тобой не о чем разговаривать. Ты хоть бы на русском Гегеля прочитал!»

Ян Стэн был умен и философски образован. Он по просьбе Сталина стал читать ему персональный курс лекций по философии Гегеля. Сталин многого не понимал и многое путал. На редкость темпераментный для латыша учитель тряс его за лацканы пиджака и в кругу друзей не раз говорил о посредственных теоретических способностях Сталина. Во второй половине 30-х он погиб.

После ареста Стэна Сталин присвоил конфискованную у него при обыске статью о диалектике и включил ее в «Краткий курс истории партии» в качестве четвертой главы.

Академику Митину позвонил Поскребышев:

– Товарищ Митин, считаю необходимым сообщить вам, что товарищ Сталин упомянул вас при обсуждении проблем экспертизы по поступающим в ЦК идеологическим документам: «Он же наш хирахир».

У Митина задрожали колени. Двое суток они с женой рылись в словарях и энциклопедиях и гадали, что могло значить слово «хирахир». На всякий случай приготовили допровскую

(допр – дом предварительного заключения) корзинку со всем необходимым. Отчаявшись, они стали звонить друзьям и знакомым, но никто не знал, что такое «хирахир». Наконец звонке на сороковом какой-то аспирант неуверенно предположил:

– Кажется, в «Фараоне» у Пруса есть герой Хирахор.

Следующую ночь супруги Митины листали Пруса. Хирахор оказался жрецом – душителем всего нового и передового. «Слава Богу!» – обрадовались супруги и легли спать.

Однако начитанность наших академиков ну просто потрясает!

В 1940 году Сталин распорядился создать для массового читателя книги по философским дисциплинам. В Институте философии решили делать хрестоматии высказываний классиков марксизма-ленинизма по разным вопросам.

Сталин посмотрел рукопись и сказал:

– Вы думаете, только вы умные и читаете сочинения классиков, а другие дураки и пусть довольствуются цитатками?

И издание погорело. Позже идею цитатника осуществил Мао.

Пусть скажут спасибо, что не расформировали их контору и не отправили их всех на стройки коммунизма. Мало того, что главе государства, несмотря на крайнюю занятость, пришлось собственноручно писать философскую главу «Краткого курса», так товарищи философы не способны сделать даже элементарную популярную книжку. Зачем тогда вообще кормить все эти институты?

Часть 2
Двадцать лет подпольной работы

Фабричный ад на земле

У каждого времени есть свой золотой век, о котором ностальгически вздыхают и на светлый образ которого опираются в туманных мечтах о будущем. В нашем времени сказочно прекрасной предстает со страниц красивых журналов и из кадров красивых фильмов «Россия, которую мы потеряли». И кажется диким и безумным соблазном все происшедшее позднее. Как они могли, предки наши, как могли – такую страну! Какие достоевские бесы их попутали? Вот уж, доподлинно, никаким умом не понять этот проклятый народ, что вечно от добра добра ищет!

Да, конечно, умом Россию не понять, если ум этот воспитан на французских идеях и немецкой философии (впрочем, умом, воспитанным на идеях и философии, не понять никакого народа, в том числе немецкого и французского тоже, но у нас речь не о том). А Россию очень даже можно понять умом, если вооружить этот ум не книжной премудростью, а знанием того, что было на самом деле.

О, золотой век России, прекрасной дворянско-интеллигентской России, той, которую они потеряли, с белоколонными усадьбами, самоваром летним вечером, барышнями в белом, вишневыми садами и пр. Мне несколько лет назад удалось одной фразой излечить своих дочерей от ностальгии по золотому веку. Я им сказала: «Девочки, с вашим происхождением вам бы не на балах пришлось танцевать, а в лучшем случае на кухне посуду мыть, если повезет, конечно…» Девочки подумали и сказали: «Не хотим!» Такого везения они не желали. Наши с ними предки были из тех десятков миллионов россиян, которые этой России не теряли, они теряли какую-то совсем другую Россию и не особенно, по правде сказать, о ней и жалели.

…Конечно, лукавила социалистическая пропаганда, утверждая, что большевики были народной партией, а революция, которую они делали, – народной революцией. Небольшая партия социал-демократов в то время была сугубо интеллигентской тусовкой. Собственно «угнетенных и неимущих» в ней присутствовало крайне мало, в основном постольку, поскольку они могли пробиться в высшие учебные заведения. Революция в России (дальнейшие обобщения не входят в задачу этой книги, а вообще можно было бы…) представляла собой исключительно барскую забаву, и не зря трезвый и циничный публицист Иван Солоневич разделил имущий класс на «дворянина с бомбой и дворянина с розгой». Ибо в основе ее лежала идея переустройства общества, а идея – дама утонченная и проживает исключительно в высших слоях, где ей могут достойное обхождение преподать. Даже для того только, чтобы понять писания Маркса, и то требовалось иметь образование, и не какое-нибудь там реальное училище, а желательно университет. И молодые господа, нахватавшись в университетах и революционных кружках передовых идей, таких красивых и таких привлекательных для юных сердец, очертя голову кидались заниматься переустройством мира во имя построения идеального общества – таким, каким его понимали. Понимали по-разному, а соответственно и переустраивать брались по-разному. Но у всех у них была одна общая черта, которую в свое время замечательно точно сформулировал Достоевский: «Все предусмотрели господа социалисты, а натуру человеческую недоучли». Ибо для идеального общества требовались идеальные люди – а где их взять?

Большинство революционеров роднило одно: видя себя благодетелями «униженных и оскорбленных», они, при самых жарких попытках просветить и облагодетельствовать народ,

даже не давали себе труда поинтересоваться: а чего хочет сам этот народ? Может быть, у него по поводу устройства общества какие-то иные мысли? Ни один революционер никогда не был гарантирован от истории с «Конституцией – женой царевича Константина»[11], но выводы из подобных историй делались совершенно противоположные здравому смыслу.

В попытках выделки людей нового общества еще в середине XIX века молодые борцы за народное счастье обратились, наконец, лицом к тем, за чье лучшее будущее они боролись, но обратились несколько односторонне, видя в народе тьму египетскую, которую должно осветить и просветить. Началось известное «хождение в народ», которое кончилось ничем, ибо эти люди были чужими тому народу, который просвещали. Они к мужикам со всею душой, а те в ответ: «Чудят, мол, баре с жиру-то…»

И то сказать: среда, которую они выбрали, была крайне неудачной для социальной пропаганды. Крестьянство по самой сути своей менее всего способно быть подвигнутым на какие бы то ни было абстрактные революции. Они все в жизни сворачивают на свой интерес. Елизавета Водовозова в своих воспоминаниях писала, как преломился в народном сознании манифест 1861 года. «Православные христиане, сказываю вам по всей правде, что бумага моя списана с подлинного царского указа-манифеста, – говорил крестьянам странствующий смутьян-“правдолюбец”. – Один грамотный паренек указ-манихфест скрал, а я в одночасье и списал с него… Будьте без сумления, православные, списал от слова до слова… Выходило так, что усадебная земля, панские хоромы, скотный двор со всем скотом помещику отойдут, ну, а окромя эвтого – усе наше: и хорошая, и дурна земля, и весь лес наши; наши и закрома с зерном, ведь мы их нашими горбами набили…» И ни на что другое, кроме земли, скота, леса и прочей грубой материи бытия, мужика не свернешь. Ты ему про Маркса – а он тебе про передел, ты ему про свободу, а в его понимании свобода – это чтобы податей не платить и рекрутов не давать. Неудивительно, что пропаганда идеального справедливого общества всеобщего равенства и прочих высоких социальных материй в такой среде успеха не имела.

Но к концу XIX века появился социальный слой, в котором любая пропаганда смуты оказалась чрезвычайно успешной. Инженер Голгофский в докладе на торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде с точностью художника этот слой обрисовал: «Проезжая по любой нашей железной дороге и окидывая взглядом публику на станциях, на многих из этих последних невольно обращает на себя ваше внимание группа людей, выделяющихся из обычной станционной публики и носящих на себе какой-то особый отпечаток. Это – люди, одетые на свой особый лад; брюки по-европейски, рубашки цветные навыпуск, поверх рубашки жилетка и неизменный пиджак, на голове – суконная фуражка; затем – это люди по большей части тощие, со слаборазвитой грудью, с бескровным цветом лица, с нервно бегающими глазами, с беспечно ироническим на все взглядом и манерами людей, которым море по колено и нраву которых не препятствуй… Незнакомый с окрестностью места и не зная его этнографии, вы безошибочно заключите, что где-нибудь вблизи есть фабрика…»[12]

Буквально за последние двадцать – тридцать лет XIX века в России сформировался новый слой общества, совершенно особый, какого раньше не бывало – тот, что социал-демократы точно и метко прозвали рабочим классом. По официальным данным (которые несколько меньше неофициальных, ибо «черный рынок» труда существовал и тогда), в 1886 году рабочих в России было 837 тысяч, в 1893 году – около 1200 тысяч и в 1902 году – 1700 тысяч человек. Вроде бы не так много – ведь население страны тогда составляло 125 миллионов. Однако новый класс с самого начала вступил с породившим его обществом в отношения особые и своеобразные.

---

[11] История, имевшая место быть 14 декабря 1825 года, когда выведенные на Сенатскую площадь солдатики были свято уверены, что Конституция, за которую они выступают, – супруга царевича Константина.

[12] *Пажитнов К.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 168.

«В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и работником. Эта патриархальность во многих случаях выражается заботами фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранении ладу и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственности и христианского чувства, тогда не приходится прибегать к писаному закону…»

Из секретного циркуляра, разосланного фабричной инспекции 5 декабря 1895 г.

Сейчас говорят, что рабочие до революции жили хорошо. Иной раз ссылаются и на Хрущева, который в 30-е годы как-то в порыве откровенности сказал, что-де он, когда был слесарем, жил лучше, чем когда стал секретарем МК. Может статься, и так. Особенно учитывая, что в качестве секретаря МК он был на глазах у Политбюро, а тогдашнее Политбюро партийцам воли по части приобретательства не давало. Еще приводят в подтверждение данные о соотношении цен и зарплат, рассказывают о Путиловском заводе и Прохоровской мануфактуре, об отцах-фабрикантах и добром царе, который вводил рабочие законы. Да, все это было. Иные рабочие и детей в гимназиях учили, тот же друг Сталина Аллилуев, например, – зарплата позволяла. Но судить об уровне жизни российского рабочего по положению тончайшего слоя квалифицированной «рабочей аристократии» – все равно что судить о жизни СССР 70-х годов по коммунистическому городу Москве. Отъедешь от Москвы всего ничего, хотя бы до Рязани – а там уже колбасы нет.

Были и «отцы-фабриканты», один на сотню или же на тысячу – Николай Иванович Путилов еще в 70-е годы XIX века с мастерами здоровался за руку, открыл для рабочих школу, училище, больницу, библиотеку. Да, был Путилов и был Прохоров, но был и Хлудов – о нем и его «отеческом попечении» мы еще расскажем. Но если о 999 прочих умолчать, а о Путилове рассказать, то будет, доподлинно, золотой век.

Итак, в чем конкретно выражалась забота хозяина о нуждах рабочих в то время, когда рос Иосиф Джугашвили, то есть, в 80-х – начале 90-х годов? У нас нет данных собственно по Тифлису, но есть данные по другим регионам России. Едва ли в Царстве Польском или в Московской области было хуже, чем в Закавказье – скорее наоборот, ибо на более отсталых окраинах произвол всегда беспредельнее, а эксплуатация беспощаднее, чем в более цивилизованных районах. Приводятся эти данные в книге К.А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России», фундаментальном труде, который, в свою очередь содержит анализ многочисленных отчетов фабричных инспекторов и прочих исследователей и проверяющих.

На заводе…

С чего бы начать? Одной из главных приманок большевиков стал лозунг восьмичасового рабочего дня. Каким же он был за тридцать лет до 1917 года?

Большая часть относительно крупных фабрик и заводов работала круглосуточно – в самом деле, не для того хозяин дорогие машины покупал, чтобы они по ночам стояли. Естественно, так работали металлурги с их непрерывным циклом, а кроме того, практически все прядильные и ткацкие производства, заводы сахарные, лесопильные, стеклянные, бумажные, пищевые и пр.

На фабриках и заводах с посменной работой естественным и самым распространенным был 12-часовой рабочий день. Иногда он бывал непрерывным – это удобно для рабочего, но не для фабриканта, потому что к концу смены рабочий уставал, вырабатывал меньше и был

менее внимателен, а значит, и продукт шел хуже. Поэтому часто день делился на две смены по 6 часов каждая (то есть шесть часов работы, шесть отдыха, и снова шесть работы). Товар при этом шел лучше, правда, рабочий при таком режиме «изнашивался» быстрее – но кого это, собственно, волновало. Эти изотрутся – наберем новых, только и всего!

Но и это еще не самый худший вариант. А вот какой порядок был заведен на суконных фабриках. Дневная смена работала 14 часов – с 4.30 утра до 8 вечера, с двумя перерывами: с 8 до 8.30 утра и с 12.30 до 13.30 дня. А ночная смена длилась «всего» 10 часов, но зато с какими извращениями! Во время двух перерывов, положенных для рабочих дневной смены, те, что выходили в ночную, должны были просыпаться и становиться к машинам. То есть они работали с 8 вечера до 4.30 утра, и, кроме того, с 8 до 8.30 утра и с 12.30 до 13.30 дня. А когда же спать? А вот как хочешь, так и высыпайся!

Но 12-часовой рабочий день являлся, так сказать, базовым вариантом, имея место на достаточно крупных предприятиях с использованием машин. А на более мелких кустарных заводишках, где не было посменной работы, хозяева эксплуатировали рабочих кто во что горазд. Так, по данным исследователя Янжула, изучавшего Московскую губернию, на 55 из обследованных фабрик рабочий день был 12 часов, на 48 – от 12 до 13 часов, на 34 – от 13 до 14 часов, на 9 – от 14 до 15 часов, на двух – 15,5 часов и на трех – 18 часов. Как можно работать 18 часов?

«Выше 16 и до 18 часов в сутки (а иногда, хотя трудно поверить, и выше) работа продолжается постоянно на рогожных фабриках и периодически – на ситцевых… а нередко достигает одинаковой высоты рабочее время при сдельной работе на некоторых фарфоровых фабриках.

Из Казанского округа сообщается, что до применения закона 1 июня 1881 г. работа малолетних (до 14 лет! – *Авт.*) продолжалась на некоторых льнопрядильных, льноткацких фабриках и кожевенных заводах 13,5 часов, на суконных фабриках – 14–15 часов, в сапожных и шапочных мастерских, а также маслобойнях – 14 часов…

Рогожники г. Рославля, например, встают в час полуночи и работают до 6 часов утра. Затем дается полчаса на завтрак, и работа продолжается до 12 часов. После получасового перерыва для обеда работа возобновляется до 11 часов ночи. А между тем почти половина работающих в рогожных заведениях – малолетние, из коих весьма многие не достигают 10 лет»[13]. А специально для сторонников теории «дикой России» могу сослаться на рассказ Джека Лондона «Отступник», где подробно описана судьба американского мальчика, который с семи лет работал на текстильной фабрике – правда, не по 18 часов, но, учитывая то, что работа была посменной, то уж не меньше двенадцати. Это тот капитализм, в который так мечтают вернуться наши господа либералы.

Предприятий, где продолжительность рабочего дня составляла более 12 часов, насчитывалось в 80-е годы около 20 %. (Напоминаем, что именно в конце 80-х годов Иосиф начал свою трудовую биографию на небольшой обувной фабрике Адельханова.) И это еще не все. Даже при таком рабочем дне фабриканты практиковали сверхурочные по «производственной необходимости». Так, время, который рабочий тратил на уборку рабочего места, на чистку и обслуживание машин, в рабочий день не входило и не оплачивалось. А иной раз хозяин воровал у работников время по мелочам – на нескольких прядильных фабриках были обнаружены особые часы, которые в течение недели отставали ровно на час, так что продолжительность трудовой недели получалась на час больше. Рабочие своих часов не имели, и, даже если знали о таких фокусах хозяев – то что они могли сделать? Не нравится – пожалуйте за ворота!

В среднем по всем обследованным производствам продолжительность рабочей недели составляла 74 часа (тогда как в Англии и Америке того времени, которые тоже не были пролетарским раем, она продолжалась 60 часов). Никакого законодательного регулирования продол-

[13] *Пажитнов К.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 54.

жительности рабочего дня не существовало – все зависело от того, насколько жажда наживы хозяина перевешивала его совесть.

Точно так же от совести хозяина зависела и выплата заработанных денег. Мы привыкли получать зарплату два раза в месяц, а если дают всего один раз – так это уже вроде бы ущемление прав. А тогда на многих производствах деньги выдавались не каждый месяц, а когда хозяину на ум взбредет. «Взбредало» обычно под большие праздники, а то и вообще два раза в году – на Рождество и на Пасху. Как мы увидим чуть ниже, у такой практики был свой шкурный интерес.

Контора платила рабочим, когда хотела, не признавая за собой никаких обязательств, зато рабочий был опутан договором, как сетью. Так, на фабрике Зимина (Московская губерния) за требование расчета раньше срока рабочий лишался полутора рублей за каждый оплачиваемый месяц. На химическом заводе Шлиппе у пожелавших уйти вычитали половину, а на бумагопрядильной фабрике Балина и Макарова «рабочие и мастеровые, поступившие на фабрику с Пасхи, все обязаны жить до октября месяца, а ежели кто не пожелает жить до срока, то лишается всех заработанных денег». Не говоря уже о том, что администрация могла уволить работника, когда сама пожелает – за собой она никаких обязательств не признавала. Если это и можно признать «отеческим» отношением, то разве что в духе диких народов: «Мой сын – мое имущество: хочу – продам, хочу – сам съем».

Такой порядок расчета давал фабрикантам еще одну дополнительную, но весьма приятную статью дохода. Поскольку расчет рабочий получал лишь в конце срока найма или как хозяин соизволит, то денег у него не было, а кушать ведь хочется каждый день! И тут на сцену выходили фабричные магазины, где можно брать продукты в долг под зарплату. Естественно, цены в этих магазинах были на 20–30 % (в лучшем случае) выше, чем в городе, а товар завозился самого дурного качества. Монополия-с…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.